

Он заметил этого парня сразу, как только вошел в магазин. Парень ничем особенным не выделялся среди покупателей. Одет, как многие молодые люди сейчас одеваются, в серую спортивную куртку и лыжные брюки. Только волосы у него чушь длиннее, чем у других парней, и замочек на куртке развернут чуть подальше, чем это делается обычно. И все-таки Сергей Дмитриевич понял: парень этот ? жулик. Подчеркнутое безразличие ко всему, высокомерный прищур, за которым скрывалась настороженность, и особенно руки, засунутые в карманы куртки, ? выдавали его. Никто не прячет руки так тщательно, как карманник. Сергей Дмитриевич занял очередь в гастрономическом отделе. Он перебрался словами с покупателями, изучая цены на сыр, селедку, вино, и в то же время следил за тем, что делал парень в спортивной куртке. Вор работал грубо. Лез в карманы напропалую, и было в его работе больше нахальства, чем ловкости. "Сейчас я его куплю", ? пришла Сергею Дмитриевичу озорная мысль. Он вынул деньги ? их было полсотни, ? отсчитал двенадцать рублей, остальные сунул в брючный карман ? и тотчас превратился в покупателя-ротозея, который не потому ротозей, что слишком небрежен, а потому, что уж больно осторожен. Сергей Дмитриевич нарочно стиснул в кулаке деньги и оттопырил карман, наперед зная, что вот сейчас он подойдет к весам, начнет рассчитываться с продавцом, укладывать покупки в сетку, и вор непременно в этот момент полезет к нему в карман. Нервно скомканная трешка просунулась через плечо Сергея Дмитриевича. На шее он ощутил горячее дыхание. Сейчас парень еще плотнее навалится на него, попросит не слишком громко и не очень тихо пачку "Беломора", а продащица потребует с него мелочь. Начнется недолгое препирательство. А в это время... Вот оно ? робкое, почти нежное прикосновение к бедру. Ползут, ползут в карман затвердевшие и в то же время невероятно чуткие пальцы. Парень перестал дышать, и Сергей Дмитриевич затылком чувствовал, как расширились у карманщика глаза, как ушли из них сила, ум, совесть ? все, что дала ему от рождения мать, ? все ушло и повисло на кончиках пальцев. Сергей Дмитриевич поймал руку вора за локоть, и она сразу ослабела, потом напряглась, рванулась. ? Отойдем в сторону, ? вполголоса сказал Сергей Дмитриевич. И вор покорно последовал за ним с мгновенно осунувшимся лицом. ? Не получилось наколки? ? усмехнулся Сергей Дмитриевич и, выходя из магазина, предупредил: ? Не вздумай мотануть ? хуже будет. ? Жулик смирился. Сергей Дмитриевич вывел его на улицу и сказал: ? Не умеешь работать, корешок. Не годишься для такой тонкой работы. Да и ни к чему она тебе. Вон какой битюг. Лес валить ступай. И пошел прочь. На углу обернулся. Пришибленный парень стоял все на том же месте и растерянно смотрел вслед Сергею Дмитриевичу. * * * На окраине городка, вытянувшегося вдоль горной реки, стоит старый деревянный дом. Черемухи и рябины как будто подпирают его, не давая упасть с косогора. Осыпистый овраг, называемый здесь логом, углом врезался в гору. По дну его сочится вялый светленький ключ, местами совсем скрытый вывалившимся из горы плитняком. У домика, испуганно притулившегося на косогоре, весной подмыло половину изгороди. Каждое утро, спускаясь к ключу по воду, Сергей Дмитриевич трогал подпорки, поддерживающие прясло под обрывом, и недовольно хмурился. И теперь, прежде чем открыть ворота, он привычно глянул на лог, в который осыпались земля и мелкие камешки, но задерживаться не стал. Не хотелось портить себе хорошего настроения, с которым он сейчас шел по всему городу, возвращаясь из магазина. Он жил в этом городе давно, знал его вдоль и поперек, но каждый день открывал в нем что-то новое. На месте недостроенного собора начали воздвигать Дом культуры. Хорошо это, давно пора. Один кинотеатр на весь город, да и кинотеатр такой, что в нем к концу сеанса мухи мрут от духоты. Здание детсада возле железнодорожной линии зеленой краской выкрасили; мухоморов деревянных на детсадовской площадке, как в густом ельнике, и цветов столько, что в глазах рябит. А на площадке ребятишки. "Мордастые все какие и, небось, озорные, стервецы!" ? подумал Сергей Дмитриевич, проходя мимо. Он замечает, что за последние годы в этом прокопченном рабочем городе вообще стало много ребятишек и цветов. Всяких мастей цветы и фасонов разных. Перед домами, в палисадниках, во дворах, в скверах, на стадионе ? всюду цветы... Захваченный "цветочной стихией", Сергей Дмитриевич и сам попытался посадить около дома георгина. Купил на базаре георгинную картошку, закопал под черемухой. Выросла дудка с тремя листьями, даже шишечка набухла, но не расцвела. ? Не по нам, значит, такое деликатное дело, ? сказал ему сын Юрий, поцарапав затылок. ? Да, знать, это бабье занятие, ? сокрушенно вздохнул Сергей Дмитриевич и сделал вид, что отступился. Растут в палисаднике сами по себе ноготки, чемерица, куриная слепота ? и ладно. Тоже цветки. Но тайком от сына сходил все же к соседу и выпросил, как и где садят георины и какое удобрение им требуется. ? Будут у нас и георины эти самые, ? хитро усмехнулся он, поднимаясь на крылечко и

открывая дверь. Юрий пришел с ночной смены и спал в чулане. Сергей Дмитриевич осторожно приоткрыл дверь в чулан, поглядел на сына. Голова юноши скатилась с подушки. Щеки были чисты, но под глазами осталась копоть. "Торопился, видно, добраться до постели вальцовщик и умыться не успел как следует. Трудна ночная смена", ? вздохнул отец. Грудь Юрия ровно подымалась, и русалка со щучьим лицом то выныривала из-под синей майки, то исчезала под ней. Русалку эту Юрий наколол тайком, подражая отцу, когда учился еще в пятом классе, и долго этим гордился. Сам Сергей Дмитриевич был до того разрисован всевозможными зверьми, стрелами, пронзающими червонных тузов, якорями и разными другими штуками, что на старости лет стал стесняться ходить в общую баню и срубил на огороде свою. Сергей Дмитриевич завесил окно в чулане, чтобы солнце не пекло Юрия, положил сетку с продуктами в кухне на стол, не спеша сходил в огород, выдернул гнездо лука. Включил плитку, выложил на сковородку ветчину, поджарил. Так же неторопливо спустился к ключу, подставил под струю чайник, вымыл руки. Подымаясь на крыльцо, на минуту задержался возле чулана, подумал и тихо позвал: ? Эй, работник, вставать пора, проспишь все царство небесное! Юрий открыл глаза, утер губы ладонью, вытянул за ремешок часы из-под подушки и сладко, как мальчишка, потянулся. ? Люблю поработать, особенно поспать. ? И улыбнулся с зевком: ? Чем, батя, кормить будешь? ? Умывайся дома, ? отозвался отец уже из кухни: ? в ключе вода нынче шибко студеная. Дашь дуба. Сергей Дмитриевич любил употреблять стародавние и даже блатные слова. За этим скрывалась неистребимая привычка чуть гордиться тем, что был он когда-то беспризорником и вором, немало хлопот людям доставил, а вот сумел-таки на ноги встать, честно хлеб зарабатывать ? и пенсию заслужил. Последние годы работал он на заводе по плотницкой части. Юрий сбежал к ключу, подставил спину под струю, падающую с осклизлого, подернутого зеленою желоба, и дурным голосом заорал ту самую песню, какую всегда пел при этой процедуре: Нам полезней Солнце, воздух и вода, От всех болезней Помогают нам всегда... Сергей Дмитриевич распахнул окно в кухне и снова пообещал: ? Дашь дуба, дашь, дохорохоришься! Юрий тряхнул мокрой головой и улыбнулся отцу ? он знал, что тот любит им и маскирует это грубоватыми шутками. Они ели со сковородки поджаренную ветчину, и отец будто ненароком перебрасывал вилкой на "Юркин край" нежирные куски, потому что сын жирное не любил. Потом Сергей Дмитриевич налил себе густого чаю, а Юрий нацедил из пузатой банки "гриба", залпом выпил кружку и с удовольствием крякнул: ? Хорош! Настоялся... Юрка приучен был к грибу матерью, которая глубоко верила, что настойка из этого неведомого гриба, неизвестно откуда взявшегося в маленьком уральском городке, способствует здоровью человека, и уверяла, что ее сын мало болел в детстве только потому, что постоянно употреблял такое диковинное питье. Отец с сыном вдруг погрустнели. Нет матери ? умерла в позапрошлом году. Не помог гриб. Остались в старом деревянном домике одни мужики. О матери они почти не говорили. Даже в вербное воскресенье на кладбище ? у ее могилы ? не проронили ни слова, а посидели, убрали обветшалый веночек, навесили на перекладину креста свежий, пихтовый, и ушли. Сергей Дмитриевич хозяйствовал в доме сам. Он мыл, варил, копался в огороде, постоянно добавлял кипяченую воду в банку с грибом и бросал туда сахару больше, чем, бывало, жена. Дел в доме оказывалось много, однако Сергей Дмитриевич управлялся с ними довольно быстро и начинал ждать сына. Он ждал его с работы, с комсомольского собрания, с вечеринки, из кино ? и притворялся спящим, когда Юрий, наконец, возвращался. Вскрикивал, правда, сразу, как только сын брался за щеколду ворот, всовывал ноги в старые шлепанцы жены, но затем ждал, пока Юрка забарабанит в ворота нетерпеливо, и только тогда шел отворять. И всякий раз ворчал: ? Так ходуном халуца-то и ходит... Эк тебе приспичило! ? Ну и здоров ты спать, ? удивлялся Юрий. ? А чего мне не спать? ? хмурился отец: ? Я свое отработал и отгулял, могу теперь и поспать. ? Верно, ? соглашался сын и откровенно признавался: ? А я сейчас до того спать хочу, что, пожалуй, и ужинать не буду. ? Ну, это ты брось! ? сердился отец и потом, наблюдая, как Юрий в угоду ему через силу жует холодное мясо, грозился: ? Я вот твою Ритку поймаю и скажу ей, чтоб она не доводила тебя до полного истребления! Еле ноги волочишь. Дойдет дело до свадьбы, отцу придется тебя на закукорках к невесте тащить. Во-о картина будет! ? Он подтрунивал над сыном постоянно. Юрий отшучивался. Убрал посуду, отец садился на крыльцо, сын рядом с ним, и они закуривали. Сидели молча, смотрели на завод. Даже ночью он виден был с горы, только труб обозначалось меньше и кауперы домен, силуэты огромных цехов уходили в тень заречной горы, сливались с нею. Ночью завод слышнее, и шум его более мерный, слитный и торжественный. Иногда на отвале вспыхивало зарево ? там выливали шлак, а то из бессемера с гулом вылетал густой ворох искр, и темный клуб дыма поднимался к низким облакам. Наступала тишина. И заводской шум, и крики маневрушек, и лай собак, и урчание экскаваторов на реке были привычны, словно бы и не нарушали ночной покой, не тревожили сна. ? Ну, я пойду, ? говорил Юрий и еще с минуту

сидел, ожидая, когда отец встряхнется и скажет: ? Ну что ж, давай ? жми. А я еще посижу маленько. ? Папиросы на тумбочке! ? уже с кровати кричал сын и немедленно засыпал. ? А-а, папиросы, добре.. Сергей Дмитриевич оставался вдвоем с ночью, немного печальный, но успокоенный тем, что сын Юрий тут, рядом. Сын был рядом, и отец думал о нем меньше. Когда же Юрий бродил где-то по городу, занятый своими необходимыми делами: слушал лекции, смотрел кинокартины, танцевал, провожал девчонок и, небось, тискал их, ? Сергей Дмитриевич постоянно тревожился о нем, как мать, бывало. В темную, заполненную ровным шумом ночь Сергей Дмитриевич невольно начинал сравнивать свою жизнь с жизнью сына. Вспоминалась Сергею Дмитриевичу хаза ? заведение великого вора Эммануила Карловича Луковицкого. Это был интеллигентный мужчина с белыми благородными волосами, с брюшком, с дорогими перстнями на тонких пальцах. Ходил он всегда в накрахмаленной сорочке, с тросточкой и играл на виолончели в оперном театре. Эммануил Карлович имел маленький особнячок, в котором был великолепно оборудованный подвал: здесь жила небольшая стайка молодых воров, умело отобранная и с высоким профессиональным мастерством вышколенная Луковицким. Беспризорники-подростки, дошедшие с голоду, с отчаяния до мелких краж у рыночных торговков, попав в заведение Луковицкого, жили в полном довольстве. О, это была настоящая школа, и "работали" там только счастливицы. Ни одного из тех, кто не хотел ужиться с Луковицким или пытался "работать на себя", Сергей Дмитриевич никогда и нигде уже не встречал больше. Обучал новичков сам Эммануил Карлович ? и тут он оказывался истинным артистом, непревзойденным виртуозом. Зеленых, неподготовленных парней Эммануил Карлович никогда не выпускал "на дело". Многими приемами владел "преподаватель" Луковицкий, но вершиной его мастерства были три из них. Шест с маленькой крестовинкой. На шесте ? пиджак. В боковом кармане пиджака ? туго набитый бумажник, нужно вынуть бумажник, не уронив шеста. Затем тот же шест, тот же пиджак, тот же бумажник, но уже с колокольчиком: надо украсть бумажник, или, по-блатному, "лопатник", и не потревожить чуткий колокольчик. И, наконец, последнее, самое трудное и самое страшное испытание: вытащить какую-либо вещь из кармана "самого"! "Учителя" нужно было выслеживать неделю, две и уловить момент, который затем давал вору право именоваться достойным сыном Луковицкого. Если воспитанник не выдерживал экзамена и попадался, Эммануил Карлович голосом базарной торговки кричал: "Вора поймал! Бей!" И тогда били неудачника смертно, как бьют на толкучке. Сам Эммануил Карлович не трогал учеников ? жалел свои бесценные пальцы, хаза Луковицкого долго не могли нащупать, но все-таки однажды накрыли. Сергей был уже почти взрослым парнем и ненавидел своего хозяина так, как можно ненавидеть только самого лютого врага. Ненавидел за "чуткость", за "воспитанность", за тонкую жестокость, а главное, за то, что ради него, хозяина, Сергей обобрал сотни людей и, отработывая "сладкий хлеб", отдал хозяину множество золотых часов, цепочек, браслетов, денег. Когда милиция ворвалась в хаза и Луковицкий стал отстреливаться, Сергей ударил его по голове тем самым "испытательным" шестом, который для устойчивости был начинен свинцом, как миллиардный кий. Давно это было. И было ли? Может, приснилась хаза Луковицкого? Может, это кого-то другого обучали потом в трудовой колонии жить и работать, может, это кто-нибудь другой стоял на границе дальневосточной тайги, а в войну был заряжающим тяжелой гаубицы и громил фашистов? И другой ? и все же он самый. Знакомый ? и незнакомый. Велика жизнь, сложна жизнь. К утру на землю опускался реденький стылый туман. От сырости трещали провода высоковольтной линии. Постепенно серел край неба и оком желтел, накалялся, подпаливая зубцы дальних лесов. Яркую зарю перечеркивала темная полоска той же высоковольтной передачи, которая перехлестывала наискось город и усадьбу Сергея Дмитриевича. Выходило солнце, провода высыхали, треск прекращался. Старик еще прислушивался, ждал чего-то, а сам думал ? будить или не будить Юрия? Пусть соберется хоть раз на работу не спеша, по-человечески, а то вскочит, кусок в зубы ? и чешет во все лопатки к проходной. "Сегодня он вроде насовсем свободен. Тогда пусть еще поспит, пусть поспит. Сон у него глубокий. Я в юности не спал так. Вор не может спать спокойно". И сидит на крыльце Сергей Дмитриевич и думает, думает. После завтрака Юрий начал собираться, надел чистую рубашку, выглаженные штаны. Отец спросил, скрывая недовольство: ? Новая краля? ? Вот еще! ? фыркнул Юрий. ? Дежурство сегодня у меня. ? Какое еще дежурство? ? На стадионе. ? Да-а, ? протянул отец. ? Я и забыл, что ты стукачом заделался. Ну-ну, давай лови жулье! Развелось его у нас в городе. Я вон сегодня одного в кармане закорил. ? Отвел? ? Не-е, зачем у вас, бригадильцев, хлеб отбивать? ? шутил отец. ? Я своим методом вора бью ? срамлю. Юрий рассердился, сунул расческу в карман так, что выломился зуб. ? Ну, знаешь, ты или не понимаешь, что вредишь, или... ? Чего-о? ? нахмурился Сергей Дмитриевич. ? Ты язык-то придержи. ? Чего мне придерживать язык, когда ты ведешь себя как либерал. ? кто? кто? ? мелко засмеялся отец. ? либерал, говорю. Значит ? не очень полезный обществу человек. ? Вспомнил бы ты

пословицу про яйца, что курицу собираются учить. Ли-бе-рал. Хэх, скажет же, грамотей! Не зря я десять лет тебя учил, не зря за худые отметки ремнем драл. Вон ты слово какое выучил, его, не поемши, и не выговоришь. Юрий насупился. Между темными бровями его сразу образовалась складка, точь-в-точь как у отца, только еще мальчишеская, минутная. ? Слушай, отец, ты не подумай, будто я тебе мораль хочу читать или что. Поговорим-ка по-мужицки... ? Валяй, ? сказал отец и поудобнее устроился на крыльце, готовясь к беседе. ? А! ? поморщился опять Юрий. ? Вечно ты так, с шуточкой. А жулик на твой юмор чихает и очистит сегодня еще десяток людей. ? Не очистит. Ухватка не та. Дровокол из него может получиться, а вор ? ни в коем разе. Юрий знал, что если отец впал в этот шутливый тон, серьезной беседы не получится. ? Эх, батя, батя... Одиноко, скучно тебе, вот ты и фокусничаешь. Шел бы ты к нам в бригаду. Сергей Дмитриевич прикурил от папиросы Юрия, закашлялся. ? Жуликов ловить? ? А что? Ты видишь их за три километра. С твоей помощью мы быстро очистили бы город от этого общественного хлама... ? Кудряво говоришь, сынок, ? усмехнулся отец. ? Карманы очистит, город очистим... ? И вдруг ударил сына тяжелой рукой по колену. ? Может, у нас с тобой, сын, мораль разная? У меня ? старая, у тебя ? новая... ? А жизнь одна. ? Жизнь? Что ты еще смыслешь в жизни? Ну, хватит, ? поднялся старик. ? Пойду картошку копать ? это корень всей жизни. Юрий сердито затоптал папиросу. ? Вот еще с этой картошкой тоже ? зачем она тебе? Есть огород, хватит нам его. А ты аж за мост ползешь, мешки таскаешь на себе! Можно сказать, перед лицом общественности меня срамишь. Это тоже метод? Отец, сворачивая в трубочку мешок, угрюмо произнес: ? Ключ за косяк положь. Денег надо ? в кармане моего пиджака пошарь... ? И пошел со двора, сутулый, со сморщенной шеей, круго выпирающими из-под рубахи лопатками. Юрий проводил его взглядом до лога. ? Тоскует старик... Он подумал о маленьком участке земли за рекой, еще в войну раскорчеванном матерью. До участка от дома километра четыре. Мать с отцом ходили туда вместе. Возвращались усталые, с тяжелой ношей, но вместе, вдвоем. А теперь вот отец ходит туда один. * * * Команда волейболистов прокатного цеха проигрывала доменщикам. Юрий бился, не жалея коверкотовых штанов, шелковой рубашки, повредил пальцы, но прокатчики все равно проиграли. ? Харчиться надо лучше, ? сказал капитан команды доменщиков и дал Юрию закурить. ? Рыбу почаще употреблять, особенно щуку, тогда реакция появится. Солнце садилось в заводской дым, расплывшийся по реке и над горами. С гор тянуло предвечерним холодком, и цветы на клумбах, запыленные, быстро вянущие цветы рабочего города, стали робко расправляться и слегка отпотели. На теннисной площадке играла Рита со своим тренером и поклонником Вадимом Кирюшиным. Вадим был лыс, толстоват, а Рита работала так старательно, что от лысины тренера шел пар. ? Подбрось жару, Риточка! ? подбодрил девушку доменщик. ? Вадик уже концы отдает. ? Рита, ты ему чаще в правый угол давай, ? закричал Юрий. ? Слух есть ? у него на правом глазу бельмо обозначается, он сам еще об этом не знает пока, а ты пользуйся! Рита улыбнулась Юрию и подняла ракетку. ? Вадик, сдаюсь! ? Ну то-то же, ? сказал насмешливо Кирюшин и пошел с площадки, подбрасывая ракеткой белый мячик. Юрий подождал, пока Рита приведет себя в порядок. Доменщики ушли, измываясь над прокатчиками; Вадим тоже удалился. Рита пригладила стриженные волосы, набросила на плечи жакет. Была она в узеньких серых брючках. Юрий многозначительно хмыкнул: ? Нд-а, если батя увидит тебя ? до костей просмеет. ? Твой батя ? добрый человек, по-моему, но чудной какой-то. ? Чудной ли ? не знаю, но уж с характером. ? Это так, ? согласилась Рита и поскорей перевела разговор на другое. Ей хотелось рассказать Юрию про сегодняшнюю встречу с Сергеем Дмитриевичем, но она почему-то не решалась. Впрочем, особенно и не о чем было рассказывать. Встреча была коротенькой. Рита заметила Сергея Дмитриевича еще издали. Он шел с мешком под мышкой, насунув на лоб старенькую кепку Юрия с коротким козырьком. Кепка придавала ему озороватый вид. Девушка замедлила шаги, чтобы не догнать старика. Когда Рита еще училась в школе, в одном классе с Юрием, она заходила к нему домой часто и запросто, а теперь вот не может, хотя иной раз очень хочется зайти. Как они живут, одни мужики, она не знала: Юрий не любил об этом говорить. Она тихо шла следом за Сергеем Дмитриевичем, то приотставая, то почти нагоняя его. Вдруг он обернулся: ? Ну-ка, подойди, гражданочка во штанах! Рита с деланным удивлением воскликнула: ? Дядя Сергей, а я вас... ? Не узнала? ? подхватил Сергей Дмитриевич, и все лицо его залучилось морщинками. ? Значит, богатым сделаюсь. ? Но тут же насупился так, что глыбистые надбровья почти скрыли глаза. ? Ты вот что, гражданочка, скажи, пошто Юрку голодом моришь? Пошто выспаться ему не даешь? Рита вспыхнула и даже остановилась, не зная, шутит ли старик или всерьез корит ее. ? А я что? Я ничего... ? Да я знаю, что ты ничего, давно знаю... Только волосы-то вот зря обкарнала. ? И старик словно ненароком дотронулся до ее головы. Рита ощутила легкое прикосновение грубоватых и в то же время ласковых пальцев и притихла. Сергей Дмитриевич смутился. ? Эка мода пошла. Под кобыльи хвосты волосья ладят.

Срубил за граница русскую косу. ? Помолчав, тихо вздохнул: ? У моей жены в молодости косища-то была во-о! Во всю спину... Должно быть, старику хотелось поговорить, но они уже дошли до стадиона, и Рита простилась: ? До свидания, дядя Сергей. ? Доброго здоровья, ? приподнял кепчонку Сергей Дмитриевич. ? Шарик идешь бросать? ? Да. ? Ну-ну, и то занятие. Каждому свое. Я вот тоже по шарик иду, ? тряхнул старик мешком и бросил на ходу: ? Захаживай когда! ? Спасибо, зайду, ? несмело пообещала Рита и свернула к воротам стадиона. И все время, пока она играла в теннис с Вадимом, не шел у нее из головы Сергей Дмитриевич, и что-то смущало ее, и что-то холодило в груди. Она украдкой взглянула на Юрия и порывисто прижалась к нему. ? Ох, Юрка, беспокойно мне что-то... ? Фантазии, ? буркнул Юрий и отвернулся. ? Ты теперь куда? ? Да никуда. Здесь еще поболтаюсь, мне на работу с двенадцати. ? И, не умея скрывать, призналась: ? Хочу с тобой побыть, ты ведь сегодня дежуришь. ? Что-то вспомнив, она тревожно добавила: ? Слушай, Юра, тот тип здесь шляется со своими шестерками, или как вы их называете. ? Какой тип? ? Да Яшка Поплоухин. ? А-а, ? протянул Юрий и сжал зубы. ? Дошляется. Яшка Поплоухин ? бывший футболист, а нынче, как говорится в газетных заметках, человек без определенных занятий. Дня два назад он подкараулил Юрия у выхода из городского парка и предупредил: ? Фрайер! Наколюшку схлопочешь, попомни, подлюга, ? и удалился, напевая: Ах, эта девушка меня с ума свела, Разбила морду мне, часы сняла-а... Бригадмилльцы догадывались, что Яшка и есть тот самый "резидент", возле которого группируется городская шпана и ворье, но никак не могли поймать его с поличным. Увертлив Яшка. Юрий с комсомольско-молодежной бригадой прокатчиков, которая взялась помогать милиции, вот уже с неделю выслеживал Яшку, и тот, очевидно, заметив это, пытался припугнуть ребят. "На слабые нервы рассчитывает, нахрапистый гад! Все равно попадется. Может, даже сегодня попадется", ? подумал Юрий. Рита тронула его за рукав и попросила подождать минутку, пока она отнесет ракетку в спортзал. Юрий закурил и остановился около круглого киоска, возле которого была устроена полумесяцем клумбочка с цветами. Он ждал Риту и своих ребят-бригадмилльцев, которые по уговору должны были собраться здесь. За киоском послышалась возня. Юрий бросился туда и увидел двух парней, взявшихся за грудки. Почему-то они дрались молчком. Это было странно ? не в характере русских людей драться без шума. Четыре парня, прикрыв глаза кепками, наблюдали за дракой. Шевельнулось подозрение, но раздумывать было некогда. Юрий встал между дерущимися, расцепил их руки... * * * Чуть согнувшись, Сергей Дмитриевич брел с огорода, утомленный и потный. Мешок, разделенный веревкой посередине, давил равно на спину и грудь. Возле стадиона старик свалил мешок на скамью и достал папиросу. Тут он увидел Риту ? она мчалась куда-то со всех ног. ? Гражданочка... ? насмешливо завел было Сергей Дмитриевич. Рита подскочила к нему, и старик увидел побелевшее лицо и широко раскрытые глаза. ? Дядя Сергей! ? закричала она на всю улицу. ? Дядя Сергей!.. Юра... Сергей Дмитриевич забросил мешок на плечо, побежал, опомнился, тряхнул плечом ? мешок свалился, ударился о бетонную тумбу, треснул по швам, картошка покатила во все стороны. Рита стала ее собирать, но тут же опомнилась, охнула и побежала к зданию милиции с картофелиной в руке. А Сергей Дмитриевич уже ворвался на стадион, растолкал людей. И вдруг увидел цветочную клумбу возле киоска. Цветы на клумбе были растоптаны, беленые кирпичи вывернуты из земли. На кирпичах, на белых астрах, на пышных георгинах ? брызги крови. Клумба поплыла в сторону, кирпичи поплыли, рассыпались, кровавые пятна заслонили глаза... ..Его отпаивали фруктовой водой из бутылки. Вода была красная, и старик не мог ее проглотить, она хлынула обратно изо рта на рубаху и пиджак. Из уборной выскочил парень в серой спортивной куртке. Старик увидел его, узнал, схватил кирпич. ? Размозжу-у! И так грозен был этот крик, что парень споткнулся, упал, прикрыв голову руками. ? Дяденька, это не я!.. Я только за руки держал... * * * Он сидел неподвижно на скамье в больничном скверике, и никто его не прогонял, никто не беспокоил, не пытался утешать. Сергей Дмитриевич как-то сразу сдал, еще больше ссутулился и весь обмяк. В опущенной руке он вяло держал ниточную сетку, с которой постоянно ходил в магазин. Из сетки торчали старые шлепанцы, виднелась стеклянная банка с ягодами. К Юрию его не пускали. Вышел человек в халате. Из-под халата виднелись кальсоны без тесемок, с больничным штемпелем на штанине. Большой начал говорить про хулиганов, увязывая этот вопрос с текущей политикой, и сообщил, что привезли парня-прокатчика, и у него проколото насквозь легкое, и весь он исколот. Бросив окурок, больной свирепо выругался: ? В спину били, длинным шилом били. За нож они знают, что присудят. Так они вон какое оружие придумали, чтобы не покарали, значит. Теперь у него воздух под кожу идет... Сергей Дмитриевич встал со скамейки и в коридоре больницы остановился перед дежурной. Он не просился. Он только смотрел на дежурную, за спиной которой на стенке висел плакат; на нем изображено растение и написано: "Собирайте спорынью!" Ни плаката, ни спорыньи, ни дежурной Сергей Дмитриевич не видел. К дежурной подошла седая

женщина в белом халате, со вздохом глянула в сторону Сергея Дмитриевича и что-то тихо сказала. Сергей Дмитриевич сделал шаг за барьерчик, отвел рукой седую женщину в белом халате и дежурную. ? Куда? ? послышалось ему вслед... никто не показывал Сергею Дмитриевичу ту палату, где лежал Юрий, однако старик сразу нашел ее и вошел именно в нее. Только вот в палате он не смог разом сыскать сына. Больные почему-то не охали, не стонали. Сергей Дмитриевич остановился ? и сердце его остановилось. Одна кровать, другая. Сергея Дмитриевича качнуло. Он схватился за спинку ближней кровати и услышал: ? Там... У окна... Он посмотрел туда, куда ему показывали. Изголовье крайней кровати было приподнято на подоконник. На кровати, обложенный подушками, почти стоял на ногах человек. Лицо его было вздуто, шея сделалась толстой, слилась с подбородком, грудь ? бугром. И на этой груди, будто на ленивой волне, покачивалась огромная русалка. Лицо у нее стало не щучьим, а налимьим, и грудки, наколотые в виде конских подковок, пошевеливались, как плавники. Натыкаясь на тумбочки, койки, Сергей Дмитриевич подошел к окну и, боясь приблизиться к сыну, остановился. Тяжелые, как у отца, надбровья нависли низко, закрыли глаза Юрию ? он не мог поднять веки. Только распухшие губы его медленно расклеились и едва прошелестело: ? Это ты? Сергей Дмитриевич не отвечал. Он стоял с беспомощно открытым ртом, рывками, по-рыбьи, сглатывал воздух. ? Сядь, ? глухо, будто рот у него полон ваты, произнес Юрий, и от этого простого домовитого слова Сергей Дмитриевич очнулся. ? Я сяду-сяду, ? заторопился он и осторожно опустился на край стула у кровати. ? Я тебе вот шлепанцы материны принес, казенные-то, небось, жесткие... И бруснички принес... Брусника при любой болезни и с похмелья ? первое средство... ? Тяжело мне, папа... Сергей Дмитриевич дернулся к сыну, но, страшась коснуться его, добавить ему боли, схватился не за руку, а за ножку кровати. ? Ты чего? ? встревоженно спросил Юрий и пошевелил пальцами, пытаясь поднять руку. Сделав усилие, он поднял ее к лицу, отвел вздущееся веко. Отец потрясенно смотрел в узенькую щелочку, открытую толстым пальцем. Из этой щелочки чуть светился измученный темнокарий глаз сына, и столько боли таилось в нем, что Сергей Дмитриевич не выдержал, схватил его руку. И эта рука опустилась на голову отца, придавила ее к кровати. ? Ты чего так ослаб? Ты ведь у меня мужественный старикан... ? с трудом вымолвил Юрий, и что-то похожее на улыбку искривило его губы. ? Какой я мужественный! Какой я мужественный!.. ? закричал отец. ? Убить меня мало!.. ? Он почувствовал, что его берут под руки, уводят. ? Нет, я здесь буду... Я тихо буду... Честное слово, тихо, ? лепетал старик, сопротивляясь. И опять Юрий еле слышно сказал: ? Держись, отец! Мы еще поборемся... держись... Сергей Дмитриевич не помнил, как вывели его во двор больницы, как посадили на скамью. Он остался один. Неизвестно, сколько времени он пробыл здесь. Его тронули за рукав, и он поднял голову и долго не мог различить, кто перед ним стоит, только цветы сразу увидел. Маленький букет астр. Сергей Дмитриевич наконец узнал Риту, ткнулся в ее остренькую грудь. ? Ох, дочка! как же нам теперь быть-то?.. Она притиснула голову старика обеими руками и растерянно твердила: ? Дядя Сергей, что вы? Дядя Сергей, что вы?! Он быстро ослаб, обессилел и с укоризной сказал: ? Красных цветков нарвала. Других никаких не нашлось, что ли? Рита испуганно взглянула на белые астры и незаметно отбросила их за спину. ? Вам надо отдохнуть, дядя Сергей, отдохнуть... Сергей Дмитриевич, как бы просыпаясь, огляделся кругом, глаза его остановились на белом букете, упавшем в траву: ? Блазнится... Ничего... Будем держаться... Рита помогла ему встать. Он долго шел, ни о чем не спрашивая, не упираясь, и уже в городе пошевелил растрескавшимися губами: ? Куда ты меня? ? Домой... Я... Я с вами буду... Вместе. И потом, когда Юра вернется... Ну... тоже вместе... ? Вместе? Вместе хорошо. ? Сергей Дмитриевич стиснул руку девушки. Они шли к домику, что стоял на кособоре, возле светлого ключа. Навстречу им попадались люди. Они о чем-то судачили, куда-то спешили с кошелками, с сумками, с портфелями. Это покорило старика. Кровь пролилась! Родная кровь, а они ходят спокойнехонько, как ни в чем не бывало. А после, когда до него постепенно дошло, что кровь пролилась ради спокойствия этих вот людей, спешащих с работы и на работу, по своим неотложным делам, ? протяжно вздохнул и подумал: "А жизнь одна, едина у всех. Ах ты, Юрка, Юрка, сын ты мой, паренек ненаглядный..." Старик трудно волочил ноги. Голова его медленно клонилась, пригибала к земле и ласковые, непривычно нежные слова, каких он еще никогда не говорил сыну, так и колотились в голове, так и просились наружу, какие-то бабы и в то же время единственно нужные сейчас слова. Их непременно надо сказать завтра сыну и кровь па переливание предложить. Своя кровь ? она горячее и живучести в ней больше. Вспомнив про кровь, старик сразу уверовал в чудо, приподнял голову. По улице все так же спешили люди, о чем-то говорили, смеялись, бранили шоферов и кондукторов, штурмуя автобусы; пили квас из единственной в городе новой тележки с никелированными оглоблями; стояли длинной очередью у кинотеатра. Жизнь шла своим чередом, шла без остановки. И как в прежние дни, вдоль тротуара, возле детских

Астафьев Виктор Кровь человеческая astafevvictor.ru
садов, на стадионе, в палисадниках и даже на балконах домов в узеньких ящичках
росли цветы. Всюду росли цветы. 1959

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!